

Весеннее равноденствие уже прошло, но за перевалом и следа весны не было видно.

В глубине гор Байлуншань ещё лежал несошедший снег, склоны укрывали слои сухих ветвей, по-прежнему напоминая суровую зиму. Лишь на солнечных склонах робко пробивалась свежая зелень - короткая и приземистая спутанная трава, которую дикие олени пробовали первой по весне.

Двадцать восьмого дня второго месяца Хо Лин собрался спуститься с гор.

Ближайший к этим местам посёлок Баоцзячжэнь устраивал ярмарку каждое новолуние и в полнолуние, три дня подряд. Но поскольку в середине второго месяца горы ещё были суровы и безжизненны, хороших товаров было немного, и Хо Лин на прошлую ярмарку, пятнадцатого, не пошёл. После этого он потратил полмесяца, чтобы еле-еле собрать корзину хоть сколько-нибудь достойных товаров, и лишь теперь был готов спуститься и выменять их на серебро.

Помимо даров гор он прихватил ещё и пару крупных оленьих рогов, связанных пеньковой верёвкой. Их он нашёл несколькими днями ранее, пройдясь по тропе, где среди спутанной травы и следов копыт можно было напасть на след. В конце зимы-начале весны самцы оленей сбрасывают старые рога: как правило, потеряв один, они трутся о деревья, чтобы избавиться и от второго. Поэтому оба рога обычно лежат недалеко друг от друга, и опытный промысловик может найти сразу целую пару.

Оленьи рога можно использовать как в лекарственных целях, так и как сырьё - их шлифуют, делая из них бусины или фигурки, удобно лежащие в руку. Хоть в горах и полно диких оленей, и особой ценности такие рога не представляют, для промысловика всякий заработок в счёт.

— Здоровяк, пошли!

Заперев дверь на засов, Хо Лин свистнул, окликнул пса, что неподалёку справлял нужду у корней дерева. Пёс, услышав свист, сорвался с места и примчался, длинная чёрная шерсть развевалась на ветру. Кормился он хорошо, телосложение имел крепкое, почти грузное. Когда он становился на все четыре лапы, то в холке почти доставал Хо Лину до пояса, что ясно говорило о его внушительных размерах.

Дорога с гор не из лёгких, но за эти годы давно уже стала привычной. Не прошло и двух часов, как человек с собакой вошли в пределы деревни у подножия.

Несколько лет назад, когда скончалась мать, Хо Лин с братом Хо Фэном формально разделили имущество: ему достался домик в горах, тот самый, что ещё при деде с бабкой строился, а старший брат получил дом на несколько новых комнат, что родители возвели в деревне. Но на деле между братьями не было ни разлада, ни отчуждения. Хо Фэн всегда оставлял в доме пустую комнату для младшего, чтобы тому было где остановиться, когда тот спускался в деревню.

Несколько му земли обрабатывали полностью Хо Фэн с женой, Хо Лин почти не принимал участия, разве что во время весеннего сева и осенней жатвы помогал немного. Поэтому зерно он забирал лишь в оговорённой доле, сообразно урожаю каждого года. Для Хо Лина, несмотря на то, что родителей давно не стало, место, где живут брат с невесткой, всё равно оставалось домом. Он обычно выходил с гор рано утром, чтобы успеть прийти до полудня - как раз к обеду. В такие часы на деревенской дороге редко кого встретишь, но сегодня всё было иначе.

Хо Лин шёл по восточной стороне к западу, и всё больше замечал, как односельчане небольшими группами направляются к южному краю деревни. Если говорить о тех, кто там жил, то самой примечательной считалась, пожалуй, семья Чжоу - из неё вышли сразу два деревенских старосты.

Причём шли не только взрослые, но и дети. Завидев одного мальчишку, что после двух шагов тут же тёр рукавом сопли, Хо Лин приподнял руку и окликнул его:

— Эр-мао, чего ты не дома, не ждёшь, пока мать обед сварит, а бежишь смотреть, что там за потеха?

Хоть он и не был женат и детей у него не было, ребятишки в деревне почему-то очень его любили. Хо Лин большую часть времени проводил в горах и редко спускался вниз. Когда же у него всё-таки выдавалось свободное время, он охотно рассказывал деревенским детям истории о своих походах по лесам. Летом, если приносил с собой дикие ягоды, всегда делился и угощал просто так, от души.

Эр-мао, задрал голову и увидев, кто его окликнул, шмыгнув носом и радостно закричал:

— Второй дядя Лин! Я с Ху-цзы и Гоу-цзы иду к старосте смотреть на новую невесту!

— Невесту? У старосты свадьба? — удивился Хо Лин. Если бы такое событие действительно было, он бы точно услышал об этом, когда в прошлый раз спускался в деревню.

— Ты что, один идёшь на свадебный пир? Родители тебя не сопровождают?

Эр-мао замотал головой:

— Да не, не на пир! Просто посмотреть на невесту!

Двое мальчишек, ушедших вперёд, обернулись и стали звать его. Эр-мао засуетился, затопал на месте от нетерпения, и, не дождавшись, поймёт ли Хо Лин, что он имел в виду, со всех ног припустил за друзьями.

Хо Лин покачал головой. Наверняка дети что-то напутали, переслушали и не так поняли. Он не стал ломать голову и оставил это без внимания.

Спустя некоторое время он дошёл до дома брата с невесткой. Племянница Хо Ин радостно выскочила навстречу, топая ножками по полу.

— Младший дядя!

— Ой! — весело отозвался Хо Лин, поставил на землю оленьи рога и, наклонившись, подхватил племянницу на руки, подбросив вверх. — Дай-ка посмотри, потяжелела ли ты!

Брат с женой были женаты уже несколько лет, но пока у них была лишь одна дочь Хо Ин, четырёхлетняя девочка, всеобщая любимица и сердечная отрада для троих взрослых в доме.

Хо Лин так умело с ней возился, что малышка заливалась смехом, а две её косички на макушке, похожие на «козы рожки», подпрыгивали вместе с ней вверх-вниз.

— Младший дядя, ты принёс мне сладких ягод?

— В эту пору в горах ещё всё пусто, ягоды не поспели. Но дядя тебе кое-что другое принёс, — Хо Лин был крепок, и, прижимая к себе четырёхлетнюю девочку одной рукой, другой без труда полез за пазуху.

Вскоре он нащупал два пухлых сосновых орешка. Видно было, что отбирал он их с толком, из сотни такие не всякий найдёт.

Он вложил их Хо Ин в ладони, по одному в каждую:

— Ягодок нет, но вот сосновые шишечки подойдут?

— Это плоды-кругляшки!

Деревенским детям нечасто выпадало развлечение, да и Хо Ин ещё мала, для неё всё в диковинку. Она подняла коротенькие ручки, держа в каждой по шишке, и с любопытством вертела их туда-сюда, не в силах налюбоваться.

— Я их положу в свою шкатулочку!

— Куда хочешь, туда и клади, — ласково согласился он.

Перекинувшись с племянницей ещё парой слов, Хо Лин поставил её на землю и велел идти к псу Здоровяку, а сам в этот момент увидел, как из заднего двора выходит жена брата, Е Супин. На локте у неё висела небольшая корзинка, видно, ходила за яйцами.

Увидев Хо Лина, она улыбнулась и сказала:

— Я вот и думала, что ты сегодня как раз должен спуститься. Давай, ставь свои вещи, выпей водички. К обеду сделаю лапшу с тушёной сушёной фасолью.

Хо Лин поприветствовал её:

— Старшая невестка. — и тут же спросил, где брат.

— Говорил, что сперва заглянет в поле, а потом пойдёт в ту семью в Саньцзятуне — там мясник. Хотел успеть, пока ты с гор не пришёл, достать кусок мяса, чтоб кинуть в котёл к обеду.

Сказав это, Е Супин пошла на кухню, чтобы налить Хо Лину воды, но он не стал обременять её. Сам зашёл, одной рукой поднял чашу, другой - чайник, и наливая из одного в другое, залпом осушил две чаши с шумным глотанием.

В это время у стенки во дворе Здоровяк тоже уткнулся в своё ведро и пил с таким усердием, что шерсть вокруг пасти вся промокла. Потом тряхнул мордой, и брызги воды разлетелись во все стороны. Хо Ин сидела рядом на корточках и даже не попыталась отскочить, наоборот, ей это показалось забавным.

Прошло немного времени, и Хо Фэн действительно вернулся, неся кусок свежей свинины, где сочные прослойки сала чередовались с красной мякотью, а в другой руке — несколько нарубленных секций крупных трубчатых костей. Говорит, что в лавке уже почти всё разобрали, вот и отдали остатки по сходной цене.

— Повезло тебе, парень, — усмехнулся он, — как раз на мясо и попал.

Е Супин взяла у него мясо с костями, не уставая хвалить:

— Из этого мяса нашинкую полоски, с лапшой смешаю, выйдет отличное блюдо. А кости на бульон с кислой капустой, суп наваристый получится. Я потом ещё лапши натяну, вечером снова будем есть суп с лапшой.

Так как Хо Лин, спускаясь с гор, обычно останавливался у брата, он всегда оставлял немного серебра на хозяйственные нужды семьи. Е Супин знала, что в горах он толком не ест ничего путного, и каждый раз, когда он приходил, старалась приготовить что-нибудь посытнее - либо белую пшеничную лапшу, либо рис с мясом, чтобы хоть немного побаловать его.

С самого утра супруги принялись хлопотать: один месил тесто, другой бегал за мясом — всё для того, чтобы устроить угощение.

Хо Ин прыгала от радости и весело распевала:

— Мясо! Будем есть мясо!

Е Супин ушла на кухню заниматься обедом, а Хо Фэн позвал Хо Лина. Как раз накануне у них в доме сломалась тележка, и, пока оба свободны, можно было бы заодно починить.

Они давно не виделись, и, пока возились с ремонтом, братья, как водится, разговорились. Узнав, что Хо Лин из-за долгого отсутствия в деревне уже давно доел все кукурузные лепёшки и пресные блинчики, что брал из дому в прошлый раз, и всё это время в горах перебивался жидкими кашами, Хо Фэн сразу помрачнел.

В лучшем случае он добавлял в кашу одно-другое яйцо, а то и ставил капкан со Здравяком, ловил какого-нибудь дикого кролика, и тогда хоть какой-то супец выходил. Услышав всё это, Хо Фэн только нахмурился до складки меж бровей:

— Да ты ведь не такой уж и неумеха в еде, — проворчал он. — Когда дома бываешь, и готовишь толково, и по хозяйству не ленишься. А как только уйдёшь в горы, словно подменили! Лентяй, неряха, даже нормальной еды себе не сварить! Я вот в прошлый раз к тебе поднялся, так глянул и ахнул: кровать не застелена, одежда валяется где попало, вся в засохшей грязи, не стирается, на плите, стоит только провести пальцем, и палец в пыли по костяшку!

— Я один там живу, зачем мне столько церемоний? — Хо Лин говорил как есть. Он ведь сам по себе человек грубоватый: полдня провозишься, наготовишь, а ест всё равно один. Так стоит ли того весь этот труд?

Постель застелена, да кто её увидит? А одежду он предпочитал копить. Накопится побольше, тогда и стирать за один раз, не тратить зря воду.

— Что ни скажешь, на всё у тебя оправдания! — Хо Фэн только сильнее раздражался. Молчал бы уж лучше, как только заходит об этом речь, у него и вовсе пар из ушей валит.

— Да если бы ты не упёрся как бык, не упрямылся — ни за что, мол, с гор не уйду, не брошу я своё «дело промысловика»... А ведь ты парень что надо, руки-ноги целы, крепкий, здоровый, рост хороший, да и лицо, скажем прямо, не хуже других. Сколько тебе уже? За двадцать с лишним, а до сих пор ни жены, ни фулана!

— Ну кто, скажи мне, из порядочных девушек или геров, захочет жить в глуши, как дикарь? Ты-то, может, и не боишься медведей да диких зверей, а им-то страшно!

Подобные слова Хо Лин слышал за последние годы уж и не сосчитать сколько раз, так что давно выработал навык пропускать всё мимо ушей, влетело в одно, вылетело из другого. Он, конечно, и сам иной раз ломал голову, когда же наконец получится завести семью. Но

прекрасно знал: только заговори об этом, брат сразу примется убеждать его спуститься с гор и заняться землёй. Вот он и делал вид, будто ничего не слышит.

В конце концов спор донесся до кухни, и Е Супин, уловив суть, даже забыла положить нож, которым резала овощи. С корзиной в руке она вышла на крыльцо, чтобы сгладить обстановку.

— Да ладно вам! Наш второй брат ведь и впрямь человек не ленивый, просто в горах у него и правда ни духу, ни сил нет на уборку. Ты подумай сам: он в горы уходит на полдня, а то и дольше, возвращается уставший, даже горячего не поест. Вот скажи, на его месте у тебя бы была охота в таком состоянии подметать полы, драить печь, стирать бельё?

Так она и Хо Фэна пристыдила, и Хо Лина пожалела.

— Что до женитьбы, — продолжила Е Супин уже спокойнее, — я вот думаю: тянуть больше нельзя. Слышала тут в уезде снова начали набирать рабочих на строительство крепостной стены. Если всё пойдёт, как бывало прежде, то первыми, как обычно, будут брать молодых мужчин без семьи. А до нас очередь дойдёт, будь уверен. Тогда уж либо человека давать, либо серебро платить. И то, и другое убыток. Так что лучше бы уж в этом году собраться с силами, да и решить наконец этот вопрос.

Слова её были справедливы. Похожая история случалась и пару лет назад. Тогда Хо Лину было всего двадцать, и он только-только успел скопить немного серебра своим горным промыслом, даже толком не разжился, как пришлось отдать пять лян серебром, чтобы откупиться от трудовой повинности. А с учётом подношений посредникам, общая сумма вышла за восемь, а столько обычная деревенская семья порой за полгода с трудом зарабатывала. Если снова придётся платить, одно только воспоминание мурашками по спине идёт.

Да только если бы жениться было так просто, разве дотянул бы он до сих пор без всякой определённости? Если посчитать, когда ему было пятнадцать, умерла мать. Из-за траура о браке заговорили лишь к восемнадцати. Но, как выражался Хо Фэн, будто кто-то его сглазил: Хо Лин упрямо вцепился в мысль, что будет жить в горах, перенимая дело деда и отца, продолжая промысел в Байлуншане.

А глубокие горы не место для жизни. В плохой день наткнёшься на медведя, тот и костей не оставит. Да и отец Хо Лина, в конце концов, погиб именно там - упал с высокого дерева на промысле.

Какие уважающие себя семьи согласятся отдать туда своего ребёнка? Даже если не убьют, вдовство ведь тоже могила. А что до «неуважающих», те за выкуп и рады продать своего гера. Только Хо Лин и сам на такое родство не согласен.

— Об этом потом поговорим, — отрезал он.

Столько раз спорили и каждый раз без толку, Хо Лин поневоле начал терять надежду.

Увидев, что он опустил голову и не хочет больше говорить, Е Супин и Хо Фэн переглянулись и благоразумно сменили тему.

К обеду на столе перед каждым стояла большая чашка тушёной лапши, а рядом тазик с супом из квашеной капусты и свиных костей. Лапша была замешана из смеси муки - большей частью грубой, но с добавлением белой пшеничной. К ней шли тушёные в мясном жире сухие стручки фасоли и ломтики мяса, всё прожарено до ароматной корочки, подливка насыщенная, мясо пропитанное, а лапша упругая, жевать одно удовольствие. Несколько щедрых глотков, и внутри всё разливалось теплом, да таким, что и словами не передать.

На трубчатых костях мясо почти всё было снято, но внутри ещё оставался костный мозг. Хо Лин, поедая, специально оставил немного и отдал Здравяку. А у того с зубами всё в порядке, за пару хрустов косточки как не бывало, вылизал начисто и внутри, и снаружи.

Хо Фэн ел не так быстро, как Хо Лин, и не так много, а Е Супин с Хо Ин и вовсе рано отложили палочки. Когда Хо Лин доел, то заметил, что племянницу уже отправили играть, а брат с невесткой сидели напротив и смотрели на него так, будто вот-вот собирались о чём-то заговорить. Вспомнив, что Е Супин обмолвилась перед обедом, Хо Лин по наитию понял: скорее всего, речь снова пойдёт о его браке и, возможно, у семьи появилась какая-то новая идея.

Так и оказалось. Хо Фэн и Е Супин, перебивая друг друга, один за другим начали рассказывать, в чём дело. Оказалось, что по ту сторону заставы, в нескольких уездах, два года подряд стояла засуха, и немало людей вынуждены были бросить дома и податься в чужие края на поиски пропитания. Их уезд Чанлин хорош был хотя бы тем, что земли много, а людей мало, поэтому к переселенцам здесь издавна относились терпимо. Кто приходил, того не гнали, многим разрешали остаться.

Когда такие люди попадали в уезд, их делили на несколько категорий. Те, у кого была семья, считались наиболее надёжными и мирными. Управе позволено было выделять им участки, давать право осесть и разрабатывать целину. А земля здесь и правда благодатная — плодородная, окружённая горами. Было бы желание да рабочие руки, с голоду тут точно не умрёшь.

Молодых и здоровых одиночек чаще всего забирали крупные землевладельцы в долговременные наёмные работники. Те, кто сумел добраться живым до этих мест, как правило, обладали крепким телосложением и могли работать с полной отдачей, лишь бы был сытый обед. У таких хозяев земли простирались на десятки му, и в одном доме держали по двадцать батраков. Сколько бы ни набралось, лишними не будут.

А к последней категории относились девушки и геры. Кто-то овдовел, кто-то так и не успел выйти замуж или жениться. Таких собирали в уезде, а затем чиновные свахи распределяли их по близлежащим деревням - подбирать пары, сводить с местными. Это считалось самым простым способом устройства на новом месте, а заодно и неплохим решением проблемы деревенских холостяков, которые давно уже вздыхали по женитьбе, да только заснуть от одиночества не могли.

— Несколько дней назад староста уже получил весть, — сказал Хо Фэн. — Специально приходил к нам и предупредил. Сказал: если ты к сроку не спустишься с гор, сам ползет искать.

— В этот раз, говорят, и девушки, и геры распределены и до нашей деревни. Если кто приглянется, можно прямо на месте забирать в дом. Всё по-простому: переселенцы, как-никак, через многое прошли, живыми дошли - уже счастье. На приданое не рассчитывай, но и выкуп с нас не потребуют. Главное, чтобы вместе можно было жить, в паре, поддерживая друг друга.

Даже выкуп платить не нужно! Для деревенских парней это и правда дело такое, что грех не вцепиться, не перегрызть друг другу глотки. Хо Лин и сам мог представить, сколько мужиков сбежится глядеть на этих девушек и геров, как мухи на мёд. Недаром по дороге домой он заметил, как многие направлялись к дому семьи Чжоу, наверняка уже шли наводить справки, а заодно и приводили с собой малышкой вроде Эр-мао, чтобы просто посмотреть, что за шум.

У Хо Лина за годы скопились сбережения, он и откладывал их с мыслью о свадьбе. Выкуп у него был бы, тут вопросов нет. Только всё это время ему не попадался подходящий человек.

Увидев, что тот долго молчит, Хо Фэн аж заёрзал, веко дёргаться начало. Он нахмурился и, не дожидаясь ответа, сразу предупредил:

— Ты это... не вздумай отказаться, слышишь? Это ж староста приказал. Даже если вздумаешь упрячиться, сиди и молчи, не вздумай рыпаться.

Хо Лин как раз хотел сказать, что всё это больше походит не на сватовство, а на торговлю людьми. На душе было как-то криво: даже если приведёт кого, кто знает, с душой ли тот, по доброй воле ли, или просто потому, что некуда деваться.

Впрочем, распределять переселенцев по семьям дело не новое. Просто их деревня у подножья гор и впрямь глухая да небогатая, раньше до неё такая очередь ни разу не доходила. А вот бывая в других деревнях, Хо Лин не раз слышал: у кого-то и жена, и гер из числа беженцев с той стороны заставы. Чтобы здесь зацепиться, чтобы выжить, люди соглашались. И, в общем, жили потом вполне нормально.

Такой уж нынче мир: «слепые браки, немые свадьбы» всё ещё случаются.

Даже если дают возможность «поглядеть», и то разве что мельком: главное, чтобы лицо на месте, глаза-нос, руки-ноги целы. Тогда и сговор считается состоявшимся. От того, чтобы просто забрать человека в дом, это отличалось разве что парой соблюденных обрядов.

Видя, как взгляд брата становится всё настойчивее, Хо Лин понял, что отговориться не удастся. Пришлось кивнуть:

— Пойду. Что из того выйдет, не знаю, но хоть посмотрю.

<http://bllate.org/book/13599/1205859>